

Александр
Терехов

Александр
Терехов
Каменный
МОСТ

Роман

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т35

Оформление переплета:

Андрей Бондаренко (*Большая проза*)

Василий Половцев (*Кинобестселлеры*)

В оформлении переплета киноиздания
использован постер к сериалу «Волк»

Терехов, Александр Михайлович.

Т35 Каменный мост : роман / Александр Терехов. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. — 832 с.

ISBN 978-5-17-144903-2 (*Большая проза*)

ISBN 978-5-17-144658-1 (*Кинобестселлеры*)

Александр Терехов — автор романов «Немцы» (премия «Национальный бестселлер»), «Мемуары срочной службы», «Крысобою», «Бабаев».

Бестселлер «Каменный мост» вызвал бурную полемику в обществе вскоре после выхода, был удостоен премии «Большая книга» и вошел в шорт-лист премии «Русский Букер», а также переведен на английский и итальянский языки.

Сериал «Волк», снятый по мотивам романа «Каменный мост», был удостоен премии «Ника».

Что можно увидеть с Большого Каменного моста? Кремль. Дом на набережной. А может быть, следы трагедии: в июне 1943 года сын сталинского наркома из ревности убил дочь посла Уманского. Но так ли было на самом деле? Герой романа Александра Терехова — бывший фээсбэшник — через шестьдесят лет начинает собственное расследование...

«Каменный мост» — это роман-версия и роман-исповедь. Жизнь «красной аристократии», поверившей в «свободную любовь» и дорого заплатившей за это, пересекается с жесткой рефлексией самого героя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-144903-2 (*Большая проза*)
ISBN 978-5-17-144658-1 (*Кинобестселлеры*)

© Терехов А.М.
© ООО «Издательство АСТ»

Финский лыжник

Ни разу в жизни я не занимал первого места. В воскресенье мало французов, немцев, англичан. Экскурсионные автобусы подвозят поляков, да таскаются безликие военные китайцы в мешковатых френчах. А что им? Гжель, платки, матрешки... Серьезные покупатели в Измайлово приезжают по субботам. Сегодня нечего ждать.

Я кивнул соседу Рахматуллину — тот торговал железом: самоварами товарищества Баташова, разнокалиберными гирями, замками, утюгами, колоколами и мельхиоровыми подстаканниками кольчугинского завода с Кремлем — присмотри, и побрел к лестнице, ведущей вниз, под деревянный указатель (палец с насмешливой надписью «антиквариат») — на блошинный рынок.

Там, на продуваемых, неосвещенных деревянных балконах, бродяги, сироты, выбракованные школой, и гордые старухи раскладывали на одеялах и клеенках награбленный человеческий мусор из брошенных и отселен-

ных домов: лысые куклы с закатившимися глазами, керосиновые лампы, жестяные коробки из-под монпансье и чая товарищества «Высоцкий и К°» со знаменитым корабликом на этикетке, квитанции фотоателье довоенных лет, елочные игрушки из цветного картона, почерневшие кофемолки, обрывки париков, словно скальпы... Попадались и оловянные солдаты, правда, редко, все больше пластмасса и уродцы из «киндер-сюрпризов», но в июне я всего за триста рублей купил на «блошке» прогрессовских «Солдат революции» в превосходном состоянии — у «солдата, идущего в буденовке» цела винтовка, только погнута, — и продал на «Молотке» за две сотни «бакинских». Еще рассказывали про старуху, просившую «хоть сколько-нибудь» за «красных казаков» сороковых, что стоят в Инете по полторы штуки долларов каждый. «Казаков» и на фотографии-то мало кто видел, и никто доподлинно не знает, сколько в наборе и каких, а у нее даже не было четырехсот рублей заплатить за место — вот только где эта старуха?

Ближе к воскресному обеду сюда, замкнув железными жалюзи свое добро, спускался ленивым барским шажком свободный вернисажный люд — знатоки икон и фарфора — поклевать легкую поживу, брезгливо поворошить ногой выброшенную морем дохлятину под нервное неприязненное молчание местных... Ничего, почти ничего, все ценное скуплено в ночь с четверга на пятницу у бомжей на платформе Марк — от скифского золота, нарытого «черными археологами» в Тамани, до маршальских мундиров с рубинами на погонах и пулеметных лент.

— Уважаемая, кофе!

Вьетнамка в белом фартуке толкала тележку с термосами, обернутыми целлофаном бутербродами и бачком с сосисками. Сливки? Взамен десятки я получил пластмассовый дымящийся стаканчик и успел сделать еще два шага.

— Да вон хозяин ходит... Василич, интересуются! Подойди!

Как весной случаются заимствованные дни, пахнувшие осенью, так это сентябрьское воскресенье возвращало долги солнцем, синим небом словно оглянувшегося лета.

По-иностранному подкопченная солнцем морда с правильным профилем терлась у моих бойцов, схватила одного и крутила под носом. Я ускорил шаг, убавив глотком кофе, чтоб не расплескать. Кого он там сцапал, этот загорелый малый в черном пальто поверх белой рубашки, с полосатым шарфом, педерастически повязанным узлом под горло? Я присмотрелся.

— Хелло! Ит из скайер солжер оф финиш во. Иксклюзив. Ван хандрид долларс.

Малый в восхищении крутил головой, встряхивал чернявыми кудряшками, смазанными каким-то жидким дерьмом.

— Можешь себе представить?! — подзывал полюбоваться приятеля плечистого водительского вида. — Сотку!.. — и поставил солдатику, чтоб лучше рассмотреть, на ободренный прилавок.

Безлицый оловянный лыжник в маскхалате, покрытом ошметками зеленой краски, двигал правую ногу вперед в неспешном ходу. Рукавицы, лыжные палки, ботинки, давно потерявшие черный цвет, автомат, висящий на животе дулом вверх... Отполированная тысячами прикосновений каска блестела тусклым свинцом. Один из моих любимых бойцов. Не все мне одинаково нравятся. Не люблю брянских «Моряков на параде» (и серебряных, и некрашенных), «Куликовскую битву», астрцовскую «Конармию», вообще все конные фигурки. «Столбики» мелитопольские не нравятся... Но собираю оловянных советских всех (масштабы 1:35 и 1:48) и продаю — лоток «Солдаты СССР».

«Водитель» оторвался от рахматуллинских самоваров, вглядывался с почтительного расстояния в хозяйские причуды.

— Лыжник финской войны. Солдатик, между прочим, *тридцать девятого года*. — Я прихлебывал кофе, барыга рассматривал наживку с умиротворенной улыбкой, намертво вклеившейся ему под нос... Вспоминает... В детстве он двигал, наверное, такого лыжника по пустыням летней пыли меж травяных лесов, огибая высохшие шнурки дождевых червей. — Всплывает раз в год по штуке. Я б своего не продал, товарищ попросил — ему деньги на лекарства нужны. Канадец в прошлом году такого на «Е-bay» за две сотни купил. Боец вообще-то уже проданный, человек за деньгами пошел, но если возьмешь — отдам. Иностранцам — сто евро, тебе — сотку долларов. Без торга.

Барыга заново осторожней положил солдатика на ладонь и приблизил к лицу — так разглядывают медальон с девичьей головкой в черно-белых добросердечных кинофильмах, его долго ищет в комод и с усмешкой протягивает старуха: «Угадайте, кто это?.. я!», — потом подбросил и поймал, накрепко сжав пальцы.

— Аккуратней. Сломаешь — заплатишь.

— А вы? — Барыга улыбался задумчиво. Молодой еще мужик лет двадцати пяти, с губастым ртом и темными пустыми глазками; такая мразь в юности выглядит постарше, а в старости — помоложе. — Вы так одеваетесь... Как солдат. Вы — солдат? Будете вести боевые действия?

Говорил он, словно припоминая русский язык, блудливо поводя мордой. Я понял: гуляет пьяный... Перегнулся через прилавок и вдруг вцепился свободной рукой в воротник моего чумазого бушлата с хищной репейной цепкостью и захохотал — очень его веселили золотые пуговицы со звездами на бушлате:

— Получается, военнослужащий. Красная Армия! Следовательно, вы в состоянии воевать?

Я покосился на «водителя»: забери своего ублюдка! — и подхохотнул:

— Да все можно купить. И шинель. И шапку с кокардой. И кáбуру с пистолетом. И корочки с фоткой. Главное, шоб баксы были. Баксы есть?!

Он отцепился и тут же загреб с прилавка стопку порывевших книжиц. И посыпались, словно выпрыгивали из рук, Сталин «О Великой Отечественной войне Советского Союза», Сталин «Об основах ленинизма», «Календарь колхозника за 1943 год»... Одна застряла меж пальцев и развернулась сама собой. Малый тотчас начал читать с наугад взятого: «Нет больше так называемой свободы личности — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации», — и захлебнулся. Он словно вспомнил о чем-то. Вглядывался растерянно в прочитанное — и губы шевелились, растягиваясь и смыкаясь, угловато или округло, и горло глотало, он словно понимал смысл, но не мог прочитывать. Он так и торчал в одиноком забытии, пока тот, второй, не тронул его за локоть. И барыга ожил — захопнул книжку, пробормотав трезво обложечное название:

— «Сталин. Речь на девятнадцатом съезде партии».

— Четыреста рублей.

— Несомненно. Там, обратите внимание, между страницами трамвайный билет. Пятьдесят второго года. На одну поездку. Тридцать копеек цена. В качестве бонуса... — сухо предположил он. — Билет неиспользованный, вам еще пригодится. В хорошем состоянии книжки, — барыга неприязненно взглянул на меня. — Это вы их набираете в походах *туда?*

Так, хватит улыбаться. Легкий страх... Допить кофе и еще чуть-чуть подождать, поглаживая небритой щекой воротник бушлата... Пьяные умники хуже, чем пьяные скоты.

Он оборвал, что-то решил:

— Ну, довольно. Где финский лыжник?

Пять пятисоток — боец спрыгнул с загорелой ладони в карман черного пальто, и двое стремительно и озабоченно двинулись прочь вдоль рядов, не останавливаясь больше, мимо пробитых пулями касок, водолазных и танкистских шлемов, чугунков, икон Николы Можайского, прялок, льняных сарафанов, пионерских горнов, матрешек, каминных решеток и абажуров с мохнатой бахромой, патефонов, алых знамен передовиков социалистического соревнования, берестяных шкатулок и коричневых екатерининских пятаков в сторону главной лестницы, обложенной косматыми медвежьими шкурами и кабаньими мордами с желтыми клыками, обставленной чучелами оскаленных горностаев и соболей.

Проводив их взглядом, я натянул рваные вязаные перчатки и начал складывать солдатиков по жестяным банкам из-под печенья и чая по сериям: «Матросы Октября», русские богатыри на Чудском озере, «Куликовская битва», стоячие «гвоздики», «Матросы в бою», всадники маршала Буденного, знаменосцы-гиганты десятисантиметровой высоты, «Солдаты революции», телефонисты, регулировщики движения с острыми флажками, лежащие пулеметчики, подносчики пулеметных дисков, мотоциклисты из бесчисленных полчищ, «Солдаты в походе» и «Солдаты в бою» Брянска, Ленинграда и Мелитополя, полковые музыканты, редко попадающиеся медсестры, выкрашенные зеленью и серебром, сидячие пограничники с овчарками, пехотинцы-лилипуты Минского моторного завода с командиром, башкою вросшим в бинокль, безродные одиночки из неопределенных серий с пятнышками розовой краски на месте лиц — около четырех сотен, — коробки сложил в чемодан, обклеенный изнутри газетой, сверху набросал книжки и клацнул замками.

— Развел. Как детей, — похвалил Рахматуллин. Он расставлял нарды. — Решил пойти? Чего так рано? Такой почин сделал... Постой еще — деньги придут!

Шашлыки

Задами, через «аллею живописцев», где терлось помельше публики, я пронес погромыхавающий чемодан к бревенчатому терему у спуска к центральной лестнице — там впотьмах предлагали купить кубачинские кинжалы из трагически подсвеченных витрин и принимали на хранение чемоданы — пять долларов за неделю, — и от-правился мимо голосящих под электромузыку «ветеранов чеченской войны», уж лет пять как сменивших «афганцев», и дымной шеренги мангалов в обход, к южной ограде вернисажа, проломленной соседней стройкой, — грунтовка, набитая самосвалами, вела почти до самого метро.

— Шашлычок? Баранина! Свининка!

— Нет. Спасибо.

— Как нет?! Ша-шлы-чка! — в плечо когтями впился и загораживал путь краснощекий малый с бритой башкой, галстук, костюм, и с нахрапистой милицейской сноровкой пихал к распахнутой двери кафе «Городец», подпертой половинкой кирпича, к ступенькам наверх, на веранду — больно пихал, до синяков, не пускал обойти. Дыхание сбилось, и, трухнув и вспотев, я безнадежно взглядывал на черных шашлычников крымчанина Мамеда, переставших размахивать картонками над нанизанным мясом, знакомых официанток в белых фартуках поверх вязаных кофт. Что же? Кричать? Но ведь белым днем тащил он меня... поговорить? Паспорт... Как чувствовал: паспорт взял и квитанции за аренду, и люди кругом вон смотрят — люди, и если за тобой пришли, полагалось идти, пока ты нужен.

Загорелый барыга с шарфиком на горле (как я ошибался, приняв его за тупорылую валютную скотину) присел в углу, макал мясо в кетчуп, подбирал вилкой луковые кольца. Официантка сгружала ему чай, он показал: еще стаканчик. Набив рот, приветственно прижмурился,

показал на свободный стул напротив и сосредоточился на шашлыке — небось, жилистый, не жутся, тварь!

Тот, что меня притащил, уселся на лавке за ближним столиком с водителем барыги и взялся за чай, разорвав на четыре куска лаваш с подкопченной круглой вмятиной посередине.

Я со вздохом опустился на стул с дыркой, сердечком вырезанной в спинке, установил локти на стол, сцепив руки под подбородком. Потом руки расцепил, бросил на колени. Откинулся на стуле. Вытянул ноги под столом. Подумал и — поджал. Все оказывалось неподходящим. Я обедал здесь дважды в неделю, все знал наизусть, а не сиделось спокойно.

Барыга дожевал свой кусок, вытер губы салфеткой, свернул ее в аккуратную подушечку, разместил в пепельнице и выставил на стол солдата финской войны.

— Завидую вам. Свободный человек! Не высидиваете в конторе. Остались ребенком. Играете в собственное удовольствие до седых, как я вижу, кое-где волос... Да еще за это платят! Самостоятельно распоряжаться своим временем — это правильная цель жизни мужчины. — Он поднял указательный палец. — И не иметь хозяина. Моя мечта... Сбирать старые игрушки и — продавать; прекрасно! Что это? Творение? Смотря для чего вы это... Вы считаете, что собиранием кусочков прошлого можно что-то изменить? У меня, кстати, есть собственная теория про мужчин, заигравшихся в солдатики... А?

Официантка тетя Маша принесла еще чай с лимоном и забрала тарелку с луковыми огрызками и обмелевшей лужицей кетчупа.

— Рассчитаетесь?

— Пейте чай, — кивнул барыга, отдавая деньги. — Я заметил, у вас некоторая асимметрия в фигуре, правая часть тела развита меньше — никто не говорил? В лице особенно заметно. И рука левая, наверное, потеет сильнее при физических нагрузках? Еще у вас синдром навяз-

чивых движений: губы вытягиваете вперед, облизываетесь, трете подбородок... Вы не аллергик? На цветение не реагируете? Правда, сейчас осень... — Он незаметно достал откуда-то из-под стола и глядящим движением руки доставил на мою половину столешницы страницу с черно-белым изображением, оглянулся и прошептал, донеся до губ чай: — Вот она.

Я не стану смотреть...

Распечатка на принтере, фотобумага, формат А4.

— Потрясающая. Столько лет прошло, а все равно — сносит крышу, — усмехнулся барыга. Помолчал, давая прорасти упавшим зернам, и добавил с осторожной мягкостью: — Вы можете получить возможность посмотреть еще несколько ее фото. Других.

Девушка не выглядела запоминающе красивой. Густые пышные волосы окружали широкое, подростково пухлощекое лицо. Ямочка на подбородке. Нерусский, тонкий нос с едва угадываемой горбинкой и загнутым вниз овалом ноздрей. Верхняя губа чуть выступает вперед, выдавая изъян челюстного строения или праздную поимку фотомастером внутреннего движения: готовящуюся улыбку, угасающее слово...

Если закрыть ладонью нижнюю половину лица и взять отдельно широкий чистый лоб, отчетливо прорисованные брови и, самое главное, глаза, получится необыкновенно милая девушка. Глаза со спокойной ясностью смотрели за правое плечо наблюдателя — в них плескалась живая вода. Но если убрать ладонь, в целом оставалась здоровая юность, не более.

Волосы нелепой длины — едва до плеч — завивались на концах. Прическу организовывала темная лента, обнаруживавшая себя бантиком, расположившимся надо лбом, — эта двукрылая бабочка относила момент фотографирования самое меньшее на полвека назад и усаживала девушку за парту выпускного класса. Одежду представлял строгий жакет под горло; в кадре поместились

две круглые металлические пуговицы с нехитрым узором — рубчики по кругу.

— Она мертва, — сухо уточнил барыга, словно это имело какое-то значение. — Разрывная пуля попала в ее затылок с небольшого расстояния 3 июня 1943 года, и пятнадцатилетняя роковая красавица стала урной на Новодевичьем кладбище. Нина Уманская, слышали когда-нибудь?

Люди намного моложе, и сильнее, и лучше одетые никогда не вызывают у меня ненависти. Ощущаю другое — лень подобрать слово. Я не чувствую тепла, когда ко мне приближается еще один пока живущий... Барыга тронул оловянного лыжника: вот что я купил за сотку долларов — пустые разговоры.

— Удивительная прозорливость конструкторов советской военной игрушки... Вы заметили, у воина советско-финской войны, отлитого, по вашим словам, в тридцать девятом году, пистолет-пулемет системы Шпагина, калибр 7,62? А ведь знаменитые ППШ в производство-то пошли только в декабре сорокового... Да и по весу — чувствуете? — цинк, алюминий, магний... Самое позднее — середина шестидесятых. — Он выудил из чашки толстошкурую лимонную дольку, собираясь вгрызться в нее, но поразглядывал и отправил на блюдце — чем-то не подошла. — Живете обманом?

Какое-то время мы помолчали, нет — помолчал он, я бросал взгляд на ворота вернисажа, на торговые терема, укрытые фальшивой черепицей из резины, на свежестроенный павильон нижегородских народных промыслов, барыга, как мне представлялось, примеривался закатать мне в морду. Официантка попыталась уплотнить наш стол парой англоязычных пухлощеких очкариков, но одним шевелением охранные туши растворили ее в цыганистых югославах — те шумно сдвигали столы.

— Суть дела, — отчетливо произнес барыга, в голос его капнуло раздражение. — Идет Великая Отечественная

война. Начало лета. Уже позади Сталинград, но Курская дуга еще впереди. У дипломата Константина Уманского удивительно красивая дочь Нина, вызывающая у всех, кто ее хотя бы раз видел, сверхъестественный трепет души. И тела. Девочка учится в элитной школе вместе с детьми кремлевских вождей. Там же, кстати, учится и дочь Сталина. В Нину влюбляются многие. Особенно Володя Шахурин. Мальчик также из знатной семьи — сын народного комиссара авиапромышленности. Заканчивается седьмой класс, сдаются экзамены. Константин Уманский получает назначение послом в Мексику. Пятого июня он должен вылететь с семьей к месту назначения. Володя Шахурин провожает возлюбленную домой. По-видимому, просит — тринадцать-четырнадцать лет! — не улетай, я очень люблю тебя. Девочка, вероятно, не соглашается. Володя достает из кармана пистолет и стреляет Нине Уманской в затылок. Наповал. А потом — в висок себе. Но какое-то время еще дышит. Около суток. И умирает. Дело докладывают Сталину, он восклицает: ух, волчата! В русской истории остается пометка: «Дело волчат».

Он подтащил фотографию обратно к себе, пощупал, словно проверяя, не намочил ли ее неисправно вытертый стол, и спрятал.

— Скучно, верно? Шизофрения, подростковый психоз неразделенного чувства. Все настолько скучно и ясно, что хранить «Дело волчат» берутся только маразматика и пошляки: наши Ромео и Джульетта! — вот что осталось, и поэтому ужасно пахнет дерьмом... Но ведь никому... — барыга перегнулся ко мне через стол, все, что он говорил теперь, казалось ему чрезвычайно важным, щеки горели и голос ослабел до едва различимого шепота, — никому до меня не пришла в голову простейшая мысль: откуда такая ясность? Что говорил мальчик? Что отвечала девочка? Откуда уверенность, что любовь... Чего он добивался... Девочка убита. Мальчик мертв. И никто не